

капитализма. Однако при этом он совершенно не учитывает предреволюционного подъема в Европе, влияния свободолобивых идей Американской войны за независимость (1775—1783).

Если идейная борьба в литературе первой половины XIX века представлена в книге полно и конкретно, то борьба Гёте и Шиллера против умеренного Просвещения Мендельсона и Николаи, против мещанской литературы Иффланда и Коцебу скорей декларирована, чем раскрыта (стр. 400), так как автор не уделил внимания характеристике этих литературных направлений. Поэтому классицизм Гёте и Шиллера, как и вообще литературное движение 90-х годов, предстают в несколько обедненном виде.

В книге отсутствует ясность по такому вопросу, как понимание Гёте и Шиллером исторического значения французской буржуазной революции. С одной стороны, на стр. 391 утверждается, что оба поэта «были не в состоянии понять историческое значение революционного переворота», с другой, на стр. 397 читаем: «Гёте хорошо понимал, что французская революция имеет значение решительного переворота», и далее на стр. 398: «Гёте... порой указывал на историческое значение революции». Нам кажется, что следует видеть различие между двумя поэтами в этом отношении. Несомненно, что таких прозорливых высказываний, как известные слова Гёте накануне битвы при Вальми, мы не встретим у Шиллера, и в данном случае историческое чутье Гёте оказалось выше, чем у его друга. Поэтому можно, безусловно, говорить о понимании Гёте великого значения революции, хотя он и не принял ее методов.

Отмеченные частные недостатки не снижают, однако, большой ценности книги. Главное в ней — это большая новизна и оригинальность трактовки материала, ее боевая направленность. Издание этого интересного труда на русском языке принесло бы большую пользу как специалистам, так и более широким читательским кругам; это способствовало бы популяризации классической немецкой литературы и ее более глубокому пониманию.

Г. СЛОБОДКИН

ФРАНЦУЗСКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ*

Наше традиционное представление о французской сатирической поэзии XVI века ограничивается обычно именами Клемана Маро — в начале века, и Матюрена Ренье — в его конце. Споры нет, эти два поэта, сколь различны бы они ни были, являются самыми значительными поэтами-сатириками XVI века, причем сатириками по преимуществу.

Однако французская сатира XVI века знала и другие имена. Сатирические элементы были сильны в творчестве многих крупных поэтов, прежде всего поэтов «Плеяды». Достаточно назвать «Мимы» Антуана де Баифа, произведения Ронсара, Дю Белле и других.

* Henri Meulani, *Épîtres du coq à l'âne. Contribution à l'histoire de la satire au XVIe siècle*. Genève, Droz, 1956, XXVIII, 132 p.

Вопрос о французской сатирической поэзии XVI века до сих пор не получил должного освещения в научной литературе. Серьезной помехой на пути изучения этого интереснейшего вопроса истории французской литературы было, в частности, и то, что большинство сатирических произведений эпохи, писавшихся обычно на злобу дня и принадлежавших перу поэтов второстепенных, а порой и вовсе являвшихся анонимными, до сих пор не издано и не описано. Любой шаг в этой области следует всячески приветствовать.

Профессору Лозаннского университета Анри Мейлану удалось разыскать в рукописных отделах библиотеки Берна и национальных библиотек Парижа и Вены ряд неопубликованных произведений, относящихся к довольно распространенному во Франции в середине XVI века поэтическому жанру «кок-а-л'ан» (coq á l'âne — дословно: петух ослу). Публикация этих рукописей, их детальный анализ и сопоставление с рядом уже известных произведений этого типа позволили А. Мейлану сделать несколько ценных наблюдений над историей этого сатирического жанра, поставить ряд общих проблем развития французской поэтической сатиры XVI века. В задачу ученого не входило, конечно, детальное и исчерпывающее исследование этого вопроса, — ведь книга А. Мейлана — это публикация, снабженная обширными комментариями и подробным предисловием. А. Мейлан хотел «лишь привлечь внимание тех, кто интересуется XVI веком, людьми того времени, их чувствами, их мыслями, к одному из мало изученных аспектов политической сатиры и религиозных споров».

А. Мейлан призывает подойти со всей серьезностью к этому пребывающему в небрежении у ученых литературному жанру. Исследователь подчеркивает его демократический характер, его народную основу. Сравнивая «кок-а-л'ан» с гуманистической сатирой в духе древних авторов, культивировавшейся придворными поэтами, прежде всего школой Ронсара, А. Мейлан отдает предпочтение «кок-а-л'ану».

Останавливается ученый на истории развития этого сатирического жанра. «Кок-а-л'ан» был введен в литературу около 1530 года Клеманом Маро, давшим достаточное число его образцов. При разработке этого жанра Маро, без сомнения, опирался на опыт городской сатирической лирики позднего средневековья, на народные традиции. Некоторые специалисты по французской литературе XVI века оспаривают приоритет Маро и указывают на Эсторга де Болье (1495? — 1552) как на создателя этого жанра сатиры. Трудно сказать, существовал ли «кок-а-л'ан» до Маро и Болье. Важно не это. Крайне симптоматично, как указывает А. Мейлан, что Маро обратился к этому жанру, вполне отвечавшему требованиям времени, и что «кок-а-л'ан» получил в дальнейшем большое распространение.

А. Мейлан подробно останавливается на жанровых признаках «кок-а-л'ана». Он замечает, что эти стихотворные пьесы обычно представляли собой своеобразные послания, то есть у них всегда был конкретный адресат. Уточняет ученый и вопрос о его тематических особенностях, называя «кок-а-л'ан» своеобразной «скандальной хроникой двора или города».

Очень важно утверждение А. Мейлана о полной жизненности жанра «кок-а-л'ан» и во второй половине XVI века, несмотря на его резкое осуждение в трактате Дю Белле «Защита и прославление французского языка»: «То же самое скажу тебе о сатире, прозванной почему-то у французов кок-а-л'ан, я советую тебе упражняться в ней настолько же мало, насколько желаю тебе быть чуждым злословия, — разве

только ты захочешь по примеру древних в героических стихах... и под названием сатиры, отвергнув нелепое прозвище кок-а-л'ан, умеренно порицать пороки своего времени, щадя имена порочных лиц».

Как указывает далее исследователь, «кок-а-л'ан» был теснейшим образом связан с политическими событиями, которыми жили в те годы французские города. И действительно, если обратиться к тем немногим образцам этого жанра, опубликованным А. Мейланом в его книге, то становится очевидной связь «кок-а-л'ана» с политическими событиями эпохи. Характерно, что идейные позиции авторов опубликованных пьес резко противоположны, оппозиционны официальной политике двора, католической церкви. Все это говорит о том, что «кок-а-л'ан» широко использовался в политической, публицистической борьбе, а также в религиозной полемике того времени. Как указывает А. Мейлан, к традиционным для средних веков нападкам на духовенство присоединялись элементы совсем новой религиозной полемики. Причем анонимные авторы «кок-а-л'анов» в подавляющем большинстве стояли на позициях антикатолических, антипапских. Гугенотская оппозиция широко использовала этот жанр. В то же время во многих опубликованных А. Мейланом «кок-а-л'анах» звучит чисто народная точка зрения на назревавшую религиозную распрю: резко осуждая католическое духовенство, неизвестные по большей части авторы столь же отрицательно относились и к кальвинистам, явно предчувствуя возможность возникновения, на почве религиозных разногласий, гражданских войн, все невзгоды которых понесет на своих плечах народ.

Большое место уделяется в «кок-а-л'анах» и моральным вопросам. Резкая критика нравов двора и тянущейся за ним крупной буржуазии — вещь столь же свойственная этому жанру, как и нападки на церковь. Это очень хорошо видно в «кок-а-л'ане», не без основания приписываемом исследователем Клеману Маро. Если относительно этого стихотворения авторство Маро может быть оспариваемо, то другое, опубликованное в книге, несомненно, ему принадлежит. На это указывают как его стилистические особенности, так и упоминаемые в нем факты из жизни поэта. Опубликование двух неизвестных стихотворений Клемана Маро — несомненная заслуга исследователя.

Большинство опубликованных А. Мейланом образцов изучаемого им жанра относится ко второй половине 30-х годов — первой половине 40-х годов XVI века и очень мало (и притом далеко не лучшие) приходится на период Религиозных войн — период, литература которого еще требует детального изучения. Один из опубликованных «кок-а-л'анов» относится к 1575 году. «Эта пьеса, — пишет А. Мейлан, — самая поздняя из тех, что мы публикуем, и самая длинная — она насчитывает почти 700 стихов, — наименее отделана. По ней можно судить о некотором упадке жанра, ибо автор теперь уже не поэт, а боец, и в то же время — об устойчивости этой народной формы сатиры». И далее: «Этот «кок-а-л'ан» 1575 года следует поместить среди произведений боевой литературы, следовавшей за Варфоломеевской ночью... Именно поэтому, несмотря на ее литературную бедность, эта слишком длинная сатира заслуживает, по-моему, того, чтобы быть вырванной из забвения». Этот «кок-а-л'ан» дает богатый материал для историка соответствующего периода: в нем упоминается много интересных фактов, имен. Но он интересен еще и тем, что отражает настроения широких (очевидно, городских) масс периода Религиозных войн, их стремление положить конец междоусобице, их страстный призыв к веротерпимости.

К сожалению, в своем анализе А. Мейлан не делает попыток сопоставления

этого интересного произведения с широко развитой и в известной мере уже исследованной лирикой гугенотов. А такое сопоставление значительно обогатило бы общую картину развития французской сатирической поэзии XVI века и, в частности, жанра «кок-а-л'ана».

Останавливается А. Мейлан и на некоторых частных вопросах, возникающих в связи с изучаемым жанром. Один из них — связь «кок-а-л'ана» с «Пасквино». «Пасквино» — народное прозвище одной из римских античных статуй, на пьедестале которой в XVI веке появлялись различные сатирические стихотворения на злобу дня. Одно время «Пасквино» заговорил устами знаменитого «бича королей» Пьетро Аретино. Постепенно, как указывает А. Мейлан, «Пасквино» оформился в более или менее определенный литературный жанр, близкий «кок-а-л'ану». Скоро «Пасквино» (или «пасквили») появились и во Франции. Исследователь приводит в своей книге неизвестный образец этого жанра: «Послание Пасквино из Рима парижским постником» (1543, рукопись в Парижской Национальной библиотеке). К концу XVI века, указывает А. Мейлан, оба жанра — «кок-а-л'ан» и «Пасквино» — сливаются. Это вполне закономерно: оба были рождены в одних и тех же условиях, оба служили сходным целям.

У книги А. Мейлана есть подзаголовок: «Вклад в историю сатиры в XVI веке». С этим можно согласиться. Несмотря на известную фрагментарность в изложении ряда вопросов, это действительно значительный вклад в изучение французской поэтической сатиры XVI века.

Ан. МИХАЙЛОВ
